

ПРЕЖДЕ ВСЕГО мне хотелось бы выразить благодарность от имени всех лауреатов премии Антонио Фельтринелли. Казалось бы, что может быть легче: ведь почети такого рода — не только свидетельство признания, но и призыв к активной работе в будущем. Присуждая премию, жюри как бы демонстрирует свой оптимизм — словно все может идти, как шло всегда, и перед нами нет никаких новых проблем. До сих пор наше представление о прогрессе отлично согласовывалось с подобной позицией: так или иначе, но развитие человечества продолжалось.

Увы, современная действительность ставит будущее человечества под сомнение, а подчас прямо-таки исключает его. День ото дня вокруг нас неуклонно растут нищета, голод, загрязнение воздуха, отравление вод — и арсеналы оружия, которое множится, словно само по себе, и способно уничтожить нас всех не один раз, а многократно.

Рим, где я выступаю сегодня, город огромного исторического значения, занимающий видное место в современном мире, ассоциируется теперь в нашем сознании с Римским клубом и его докладами. Для нас эти объективные доклады — откровение. Нет, не кара богов угрожает нам. Не Иоанн Богослов рисует нам мрачные картины, предрекающие всеобщую гибель, не какие-либо гадания чернокнижников служат нам оракулом. С объективностью, соответствующей нашему времени, нам предъявляются колонны цифр, в которых суммируется смертность от голода, статистические данные, характеризующие рост нищеты, таблицы, куда сводятся экологические катастрофы, безумие как результат вычислений, апокалипсис как итог бухгалтерских расчетов. Оспаривать можно разве что знаки, стоящие после запятой, но вывод неопровергим: уничтожение человека человеком началось.

Я полагаю, что вера ученых в будущее как гарантированную арену развития если и не утрачена окончательно, то несомненно поколеблена, а потому надеюсь, что буду говорить от имени всех лауреатов, когда попытаюсь вкратце изложить, что я думаю сегодня о своем ремесле писателя, и поставлю под вопрос литературу и самого себя.

В еще большей степени, чем другие виды искусства, литература всегда упивала на будущее, видела одну из важнейших предпосылок своего существования в гарантированном праве на внимание грядущих поколений. Она могла пережить иги абсолютной власти, теологические и идеологические догмы, одну, другую, двадцатую диктатуру. История литературы

Гюнтер ГРАСС

Мюнхен, 1983, 26 мая.

ИЗБАВИТЬ ДРУГ ДРУГА ОТ СТРАХА

— это также история побед книги над цензором, поэта над властелином. Иными словами, литература была уверена, что у нее есть надежный союзник: как ни скверно ей приходилось, будущее оставалось на ее стороне. Литература могла делать ставку на время. Она не теряла веры, что отклик на слова и фразы, стихи и мысли, выраженные в прозе, возникнет через десятки, а может быть, и через сотни лет. И благодаря этому даже самые бедные поэты чувствовали себя богачами. Тех, чья рента называлась «бессмертие», не могла одолеть даже самая гнусная действительность: их можно было бросать в тюрьмы, убивать, отправлять в изгнание, но в конечном счете всегда побеждала книга, побеждало слово.

Так было до сего дняшнего, в точнее — до вчерашнего дня. Ведь угроза утраты будущего, нависшая над человечеством, свела непоколебимую доселе уверенность литературы в своем бессмертии к беспочвенным притязаниям. Книга, этот товар длительного употребления, начинает походить на банку консервов. Еще не решено, есть ли у нас будущее, но мы на будущее уже не рассчитываем. Та же самонадеянность, которая дает человеку способность уничтожить самого себя, грозит сегодня, прежде чем опустится ночь, помрачить его рассудок, обречь на осмейание любую утопию, любую мечту о лучшем будущем, а следовательно, и провозглашенный Эрнстом Блохом «принцип надежды».

Вопреки разуму хищничество все усиливается, загрязнение жизненной среды позорно оправдывается, а потенциал уничтожения давно перешагнул порог безумия и, продолжая нарастать, уже не поддается исчислению.

И жалкий страх, который мы испытываем, скоро, наверное, перестанет выражаться в словах и обратится в безмолвный ужас, ибо перед лицом пустоты — перед лицом надвигающегося ничто любые звуки утрачивают смысл.

Может статься, что моя благодарственная речь напугает вас и нарушит атмосферу скромной торжественности, какой вы вправе требовать от этого дня! Подозреваю, что другие лауреаты воспримут мои размышления о нынешней ситуа-

ции как явное «очертение», которого они не приемлют вовсе или в крайнем случае могли бы допустить что-то подобное, если бы я разбавил черную краску серой. Ведь как ни банально это звучит, а жизнь продолжается. Люди хотят совершать новые открытия, изобретать и совершенствовать изобретения, писать все больше и больше новых книг. Буду писать и я, потому что не могу иначе. потому что я не в состоянии отказаться от творчества, от писательства. И тем не менее в той книге, которую я хочу теперь написать, я не смогу больше притворяться, что уверен в реальности будущего. Мне придется написать о прощении со всем, что повреждено, о прощании с изменившейся природой, с нашим разумом, который создал все сущее на свете, а сегодня может обратить все это сущее в ничто.

Все мои книги до сих пор были подчинены времени или как-то осмыслия его. Я писал как человек своего века, пытаясь противостоять течению времени. Прошлое требовало, чтобы я бросил его на дорогу современности и тем заставил ее споткнуться. Будущее имело для меня смысл лишь постольку, поскольку я осовременивал прошлое. Надо было, считал я, освободить территорию от нагромождения древних камней, вновь и вновь очищая действительность от приставшей к ней шелухи. Задача эта казалась мне бесконечной — сколько мертвых! Даже там, где жизнь могла бы дать простор радости и волю наслаждению, ее омрачали тени великих преступлений, тени, неподвластные даже самому времени...

В интервалах между книгами я отдавал свои силы политике. Иногда что-то приходило в движение. Наученный опытом осмысливания времени, я начертал на своем гербе изображение самого медлительного животного и сказал себе: прогресс — это черепаха. Тогда мне, как и многим другим, хотелось, чтобы существовали скучающие черепахи. Теперь я знаю, и в конце концов я это записал на бумаге: черепаха движется чересчур быстро. Она уже определила нас на целый круг. А мы, отрекшиеся от природы, мы, враги природы, все еще воображаем, что идем впереди черепахи.

Удастся ли людям абстрагироваться от самих себя? Способны ли они, уподобившись богу творцы, изобретающие все более мощные орудия самоуничтожения, сказать «нет» своим «собретениям»? Готовы ли мы отказаться от того, что стало доступно человеку, и утихомириться над останками разрушенной нами природы? И последний вопрос: хотим ли мы сделать то, что могли бы сделать — коррить недоедающих до тех пор, пока голод не уйдет в область предания?..

Ответы на эти вопросы надо было дать давно. Мы уже опоздали. Да я и не могу дать четкого ответа. И все-таки, несмотря на собственную растерянность перед лицом будущего, я знаю: оно вновь станет возможным только в том случае, если мы, гости земного шара, найдем ответы, выполнив свой долг перед природой и перед собой — избавим друг друга от страха путем всеобщего и полного разоружения.